

Чэн Минь и Юй Фансюй вздрогнули от неожиданности. В четыре руки они вцепились в плечи Цинь Яо, пытаясь удержать его, но сила, тянувшая того в воду, была поистине чудовищной. Несмотря на все усилия, его медленно, но неумолимо волокло к реке.

Чжан Цзыман посмотрел с мрачным огнём. Он скользнул рукой к поясу, и в ту же секунду холодный блеск клинка разрезал воздух. Скрежет вынимаемого из ножен металла резанул по ушам; мертвенно-бледная кисть, сжимавшая лодыжку Цинь Яо, неестественно вывернулась и медленно разжалась, скрывшись в глубине.

Спасённого тут же оттащили подальше от берега и усадили на придорожный валун. Убедившись, что водяной монстр затаился, Цзыман бросился к товарищу. Вонзив меч в землю, он опустился перед ним на одно колено и принялся лихорадочно стягивать с того обувь.

— Ты чего творишь?.. — Цинь Яо попытался отдернуть ногу. Поза казалась ему донельзя двусмысленной.

Цзыман предостерегающе посмотрел на него. Голос его прозвучал резко, не терпя возражений:

— Сиди смирно!

Цинь Яо бесстрашно уставился на него в ответ, но Чжан Цзыману было не до игры в «гляделки». Закатав штанину друга, он принялся изучать повреждения. На бледной коже уже проступил багровый кольцевой след. Он осторожно коснулся его кончиками пальцев, и сердце его болезненно сжалось.

— Больно?

Наблюдавший за этой сценой Чэн Минь округлил глаза: «Ну и голос... Сколько в нём нежности».

Юй Фансюй вдруг просунул голову вперёд, перекрывая Чэн Миню обзор. Он красноречиво посмотрел на него: «Я тоже умею быть нежным! Посмотри на меня!»

Чэн Минь лишь мысленно фыркнул: «Ты? Нежный?»

Юй Фансюй, недолго думая, истолковал это по-своему: «Ну, в первый-то раз... просто опыта не было! К тому же... сам понимаешь, калибр-то у меня солидный...»

Чэн Минь взбешённо уставился на него: «Заткнись, я вообще не об этом!»

Юй Фансюй нагло склонил голову набок: «Я и так молчу. Как мне замолчать ещё сильнее?»

Тем временем на валуне Цинь Яо безуспешно пытался сосредоточиться на виде деревни вдалеке. Лодыжка, поначалу лишь слегка нывшая, теперь горела огнём. Казалось, ладонь Чжан Цзымана превратилась в раскалённое клеймо — от этого жара по всему телу пробегала мелкая дрожь.

— Подумаешь, схватили разок, — едва слышно пробормотал Цинь Яо. — Что со мной станется.

— Радуйся, что это был не настоящий Ханьба, иначе ты бы уже лишился ноги, — отрезал Цзыман. Он по-настоящему вышел из себя — впервые за всё время он говорил с Цинь Яо так резко.

На самом деле Цинь Яо было чертовски страшно. Сердце всё ещё колотилось о рёбра, как безумное; в тот миг, когда ледяные пальцы сомкнулись на коже, он решил, что ему конец.

— Да всё нормально, правда, — Цинь Яо поспешно натянул штанину.

Когда он потянулся к ботинку, Цзыман опередил его: сам надел обувь на ногу друга и даже аккуратно расправил складки на одежде. Цинь Яо в панике отпрянул, окончательно смутившись.

— Да что с тобой?! Я что... сам обуться не могу?!

Чжан Цзыман поднялся и, чуть отвернувшись, бросил на него короткий взгляд:

— Я привык отвечать за свои поступки. До самого конца. За всё.

Цинь Яо лишь хлопал глазами, решив поскорее уставиться в сторону.

«Отвечать?.. О чём это он вообще... Ничего не понимаю!»

Чэн Минь, наконец отпихнув голову Юй Фансюя, заметил, что у Цинь Яо подозрительно покраснели уши. Тот сидел на камне, изучая носки своих ботинок, пока Чжан Цзыман стоял рядом, не сводя с него глаз. «Ого, — прикинул он, — а лёд-то тронулся!»

— Ого, брат Чжан, а ты молодец, — прошептал Юй Фансюй, глядя на окутанную флёром романтики парочку. — Надо и мне поднажать.

Чэн Минь прищурился, глядя на затылок Юй Фансюя. Тот стоял совершенно расслабленно, не ожидая подвоха...

Идеальный момент для приёма «Двойной гром».

— Твою ж!.. — Юй Фансуй отскочил в сторону, зажимая уши руками. В голове у него нещадно гудело. — У меня аж в ушах зазвенело! Сяо Минь, ты меня убить вздумал?!

Удар Чэн Миня не был сильным, но ладони, хлопнувшие прямо по ушным раковинам, создали эффект воздушной пушки. Для него это прозвучало так, будто внутри черепа разорвался снаряд. Для Цинь Яо же и Цзымана это было не громче обычного щелчка пальцами.

— Что случилось? — поднял голову Цинь Яо.

— Пустяки, — бросил Чэн Минь. Выпустив пар, он почувствовал себя просто превосходно. Оставив обиженно потирающего уши Юй Фансюя позади, он обратился к Цзыману: — Что там с этим Ханьбой? Затих? Он сдох или как?

— Это был не настоящий Демон засухи, — Цзыман вытащил меч и направился к берегу Реки Ваншуй. — Погиб ли он окончательно — не знаю. Пойду проверю.

Они осторожно приблизились к кромке воды. Над рекой клубился густой пар, похожий на горный туман. Но в этой призрачной дымке не было ни капли красоты — лишь давящее ощущение смерти. На поверхности воды колыхалась огромная тень, лишенная малейших признаков жизни.

Чжан Цзыман с облегчением выдохнул. Ханьба — тварь, несущая погибель всему живому, человеку с ней не сладить. Именно поэтому в храме он скомандовал немедленно бежать.

Однако теперь, присмотревшись, он понял, в чём дело. Кем бы ни стал Сяо Цзян после мутации, его плоть оставалась смертной. Ханьба — порождение огня, а вода, как известно, огонь гасит. Цзыман рискнул, надеясь на это правило, и не прогадал.

Когда пар немного рассеялся, все увидели, что на самом деле плавало в реке. Это была кожа... человеческая кожа без плоти и костей.

И их было две.

— Это... кожа Лю Хо и Сяо Цзяня? — неуверенно произнёс Чэн Минь.

На одном из лоскутов виднелись татуировки Лю Хо, другой был заметно меньше. Поражало то, что эти тонкие, почти невесомые оболочки не уносило течением — они застыли на месте, словно пригвождённые к зеркалу воды.

— Брат Чжан, понимаешь, в чём тут дело? — Юй Фансуй подобрал ветку, намереваясь ткнуть в

одну из «улик», но Цзыман преградил ему путь мечом.

— Обида не ушла, вот они и не желают покидать это место, — Чжан Цзыман закрыл глаза. — Лучше их не трогать.

Чэн Миня передернуло.

— Мы тут ни при чём. Не мы их погубили.

— Разумеется, не мы, — Чжан Цзыман покачал головой и развернулся в сторону деревни. — Оба нашли свою смерть сами. Они не могут забрать наши жизни, но их сожаления и злоба ещё сильны. Впрочем, долго они здесь не продержатся. Идёмте.

— А как же храм? — спросил Цинь Яо. — Монстр мёртв, значит, там теперь безопасно.

— В ближайшее время мы туда не попадём, — Чэн Минь указал на небо над вершиной, которую они только что покинули.

Храм горного бога скрылся за иссиня-чёрными тучами. Грозовой фронт опустился так низко, что, казалось, придавил крышу строения. В недрах облаков пульсировали ослепительные разряды — вот-вот должен был грянуть гром.

Цинь Яо занервничал. Если упустить момент, староста деревни обнаружит, что замок сломан, и сразу заподозрит их компанию. Даже если удастся выкрутиться, замок заменят, и путь будет закрыт навсегда.

Все четверо замолчали. Ситуация была критической: судя по всему, смерть забирала по одному человеку в день. Если исключить пару-тройку одиночек, которые отказались с ними сотрудничать, их четвёрка составляла большую часть оставшихся.

Времени не было.

— Днём, — решительно произнёс Чэн Минь. — Как только дождь стихнет, выберем момент и проскользнём туда. Не вешайте нос, мы всё-таки прикончили ту дрянь. Это уже победа.

— Ладно, — выдохнул Цинь Яо. Придётся следить за небом и не медлить ни секунды.

Позади них, на горе, грозовые тучи, словно изголодавшийся зверь, провожали хмурых путников взглядом. Молнии, точно огненные языки, лизали небо под рокочущий аккомпанемент грома.

— О, вернулись! Ну как погуляли?

Староста сидел на корточках перед самодельным мангалом. Освежёванная тушка кролика уже вовсю скворчала на углях, источая такой аромат, что у проголодавшихся после марафона по горам парней невольно заурчало в животах.

— А ну, подходите, налетайте! — Староста поманил их рукой. Он зачерпнул из миски горсть крупной соли и привычным жестом, растирая её между пальцами, присыпал золотистое мясо — соль оседала на тушке, точно снежная крупа.

Цинь Яо в два прыжка оказался рядом.

— Дядя, ну и запах! С ума сойти можно!

— А то! — с гордостью отозвался тот. — Старик своё дело знает. Деревенская ребятня через день прибегает кусок выклянчить. Давай, садись, сейчас я тебе ножку организую.

— Спасибо! — Цинь Яо расплылся в улыбке, лихорадочно соображая, как бы спроводить старика после обеда.

— Ой, — староста протянул ему кроличью лапку, но тут же нахмурился. — А где ж твоя одёжка-то красивая делась?

Цинь Яо мгновенно сориентировался.

— Я... это... — Он опустил голову, изображая крайнее смущение. — Да ничего особенного, потерял просто...

— Где это ты её потерял? — Староста подозрительно прищурился. — Опять меня не послушал? Лазил куда не просят?

— Да нет же... Водой смыло... — Цинь Яо заискивающе протянул кроличью ножку старику. — Дядя, вы первый кусайте.

— Не буду я кусать, — Староста поджал губы и уставился на парня в упор. — Правду говори.

Цинь Яо жалобно насупился, глядя на старосту снизу вверх глазами побитой собаки:

— Мне... мне просто жарко стало. Решил ноги в воде помочить. А подол длинный, мешался... Я

её снял, положил на берег, а потом — раз, и течением утянуло...

— Ты ещё и в воду полез?! — Староста вскочил как ошпаренный и принялся распекать Цинь Яо, словно неразумное дитя. — Я же тебе талдычил: Река Ваншуй — гиблое место! Сам же видел, сколько людей она прибрала! Тьфу, ну что за наказание...

— Дядя, я виноват... — У Цинь Яо на глазах выступили слёзы размером с горошину. Вид у него был такой раскаявшийся, что стоящие в стороне товарищи невольно восхитились.

Чэн Минь, глядя на это представление, подумал, что если и выдавать за такое премию, то Цинь Яо заслужил как минимум главный приз вместе со всей фермой в придачу.

Лицо старосты потемнело, морщины стали глубже, а сам он мелко задрожал от гнева.

— Дядя... — Цинь Яо шмыгнул носом. — Я больше честно-пречестно не буду. Я весь вечер здесь просижу, никуда не выйду...

— Просидит он! — Староста сердито тряхнул бородой. — Ишь чего удумал! Будешь готовиться: после обеда пойдёшь со мной в храм. Будешь у Горного бога прощения вымаливать!

— А? — Цинь Яо опешил. Он-то уже придумал легенду о том, что его «продуло у реки» и «нечисть почудилась», чтобы заманить старика к храму, но реальность оказалась куда удачнее.

— Что «а»?! — прикрикнул староста и указал на остальных. — И эти трое с нами пойдут! Чтобы никто не отлынивал!

Парни, разумеется, были только за. Чэн Минь незаметно подмигнул другу: «Ну ты даёшь, Яо-цзы!»

— Старшие называются, а за мелким присмотреть не могут, — проворчал староста. Бросив ветку, которой поправлял угли, он стремительно зашагал к дому. Было видно, что он не на шутку встревожен.

Цинь Яо крикнул ему вслед, придав голосу плаксивости:

— Дядя, а как же кролик? Вы же не поели!

— Ты меня до икоты разгневал, кусок в горло не лезет!

В итоге Цинь Яо всё же отнёс две порции крольчатины в комнату старосты и битый час рассыпался в любезностях, пока старик наконец не сменил гнев на милость.

— Пить-то как хочется! — Цинь Яо ворвался в их комнату и в один присест осушил стакан воды. От долгой болтовни язык у него заплетался.

Чжан Цзыман, сидевший у окна, невозмутимо заметил:

— Вообще-то, это был мой стакан.

— Пха! — Чэн Минь, болтавший ногами на стуле, расплылся в ухмылке. — Косвенный поцелуй, однако.

— Замолкни! — Цинь Яо с грохотом поставил стакан на стол и вытер губы. — А я-то думаю, что это от воды душком каким-то несёт!

На стенках стакана остался едва уловимый, тонкий аромат... «Приятный, зараза», — промелькнуло в голове у Цинь Яо.

Цзыман нахмурился, понюхал стакан, потом рукав своей одежды — ничего.

— Ну что там? — спросил Юй Фансуй, подпирая стену плечом.

— В четыре часа староста ведёт нас на гору, — Цинь Яо наконец отдышался. — Сказал, сам подготовит свечи, благовония и ритуальные деньги.

Троица невольно переглянулась. Не подружись Цинь Яо со стариком в самом начале, вряд ли всё прошло бы так гладко. Тогда им это казалось пустой тратой времени — мол, это лишь фальшивое измерение, главное — не конфликтовать. Но реальность доказала обратное: доброта и искренность порой открывают двери получше любых отмычек.

— Ладно, мы с Сяо Минем к себе. Отдохните пока, — Юй Фансуй выразительно глянул на единственную кровать в комнате, подавая знак Цзыману.

— Давайте, валите уже, — Цинь Яо махнул рукой. — Умотался в край, язык не ворочается.

Чжан Цзыман кивнул, провожая друзей до двери.

Цинь Яо рухнул на кровать и с наслаждением потянулся. Тонкая нижняя рубашка задралась, обнажая полоску бледной кожи и ямочку пупка. Когда он открыл глаза, Цзыман уже сидел рядом. Он не сводил взгляда с его ноги, и смотрел с неприкрытой тревогой.

— Всё ещё болит?

<http://bllate.org/book/17517/1658255>